В.Д.Попов,
доктор философских наук, профессор

СУДЬБА СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОЛОГИИ

Сдвиг сознания в обществе, сдвиг парадигмы в науке.
(Станислав ГРОФ, Эрвин ЛАСЛО, Питер РАССЕЛ)

Судьба социальной информациологии, информациологии в целом как науки об информации примерно такая же, какая была в свое время у кибернетики. Будто какой-то злой рок преследует в России Н.Винера — основателя кибернетики и «науки о коммуникации», об «обществе коммуникации». Долгое время волею власти (академической и политической) мы не признавали кибернетику, от чего, как выяснилось, СССР многое потерял. Сегодня в академических кругах примерно такое же отношение к информациологии.

Одна из причин, которую можно вычленить из некоторых оценок в академических кругах, это содержание книги, точнее, учебника для высших и средних специальных учебных заведений, курсов повышения квалификации и самообразования И.И.Юзвишина «Основы информациологии» (Международное издательство «Информациология» и издательство «Высшая школа»). И.И.Юзвишин был основателем Международной академии информатизации, под чьей вывеской в 90-е гг. на фоне развала академической науки прошли симпозиумы аж в Кремлевском дворце съездов, которые широко освещались в СМИ. Естественно, такая помпезность не могла не вызвать научной аллергии, в том числе к учебнику, у ученых, выросших в условиях властного их почитания и всенародного уважения в советский период. Но все это околонаучные, иногда политизированные оценки. Требуется же обоснование с позиции «логики научного исследования»[1].

Справедливости ради заметим, что И.Юзвишин сам дал повод для неприятия «информациологии». Он ее преподносил как «генерализованную науку наук», где господствует всеобщий «генерализованный информациологический подход». Так, например, он заключает: «Анализ информационных исследований выявил тенденцию отказа от системного подхода… и использования информациологического подхода в научных исследованиях…»[2]

[1] *См.: Поппер К.* Логика научного исследования / Пер. с англ. М., 2004.
[2] *Юзвишин И.И.* Основы информациологии. Изд. 2-е. М., 2000. С. 53.

Конечно, подобные суждения не могли не сказаться на признании информациологии. Но история науки знает, как увлеченность автора своей идеей обожествляет ее, представляет «самой-самой…». Думается, такое эмоциональное состояние пережил и И.Юзвишин. Известно и другое: новое с трудом пробивает себе дорогу в жизнь. Особенно с трудом, если выход на дорогу находится «под враждебным надзором чиновника» (М.Горький), «чиновника от науки» в союзе с государственным, владеющим абсолютной властью чиновником.

Так складывалась судьба многих новых наук в России. У человека своя судьба, у науки — своя. Но наука создается человеком. В «судьбе» две составляющие: сознательно-управляемая и фатально-заданная. Или «судьбинность», когда «происходит нечто непредвиденное, необычное, подчас нелепое. «Судьбинность — это спонтанность, не реализуемая… в нашем сознании»[1]. Судьба — результат связи, взаимодействия, столкновения, противоречия фатального, судьбинного и сознательного, сознания и сознательной деятельности.

Сознательно-управляемый компонент судьбы может реализоваться на осознанном учете требований объективных законов общественного развития и на субъективистском, более того, волюнтаристском, игнорировании этих законов. От того, какая из составляющих доминирует, зависит прогресс или регресс общества.

То же происходит и с законами науки с признанием наук, в данном случае информациологии, ранее кибернетики и других.

Автор «Информациологии» внес положительный вклад в судьбу этой науки. Она будет востребована если не сегодня, то в будущем. Бесспорно, перспективным является «создание методологии изучения информационных отношений»[2] как нового вида общественных отношений, являющихся новым объектом формирования соответствующего вида общественного сознания[3].

Особо важна и перспективна с позиции «развития информациологии производственной и социальной сфер деятельности» разработка социальной информациологии[4] как науки, изучающей *законы информации*[5], отражающей жизнедеятельность социума.

---

[1] *Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.* Реальность нереального. М., 1995. С. 3.

[2] Там же. С.53.

[3] Мы разделаем концепт А.К.Уледова о том, что каждому виду общественных отношений соответствует определенный вид общественного сознания: политическим отношениям — политическое сознание, экономическим — экономическое и т.д. См.: *Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М., 1968.

[4] См.: Информационная политика: Учебник / Под общ. ред. В.Д.Попова. М., 2003; *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. М., 2001 и др.

[5] О законах информации в пределах биосферы, часть из которых применима к социуму, *см.: Васильева Т.Г.* Законы информации. М., 2002.

Особенности социальной информациологии

Обоснование социальной информациологии как новой науки важно вести не только по особенностям объекта — сфер деятельности, но и по синтезу объекта, предмета и методов. В нашем случае это будет *социальная информация и коммуникация, отражающая прежде всего информационно-коммуникативные отношения в социуме с помощью «логоса», и законы, выражающие сущностные связи данных отношений.* Специфику науки определяют методы исследования ее объекта, т.е. содержание «логоса». Сегодня, наряду с традиционной журналистикой, бурно развиваются несколько новых наук, например, медиалогия, теория коммуникации, коммуникативистика, медиаэкология, медиапсихология, информационный и коммуникативный менеджмент и др. Социальная информациология включает в себя отчасти каждую из них, но имеет свою специфику. Она шире по объекту и предмету, а также методам исследования, т.е. по специфике социально-информациологического подхода (или социально-коммуникациологического подхода). Социальная информациология ближе всего к теории коммуникации[1], коммуникавистике, но не исчерпывается ими. Иногда теория коммуникации рассматривается очень широко, когда, например, «массовая коммуникация трактуется как отражение экономических и материальных условий, сложившихся в обществе»[2], иногда сводится к политической коммуникации. Причина здесь в трактовке категории «социальная информация». В широком смысле в «социальную информацию» включают всю совокупность информации о социуме: экономическую, правовую, политическую, историческую, экологическую и т.д. В узком смысле — это информация, отражающая состояние социальной сферы жизнедеятельности социума, социальную политику государства.

Но есть информация о состоянии информационной сферы, о влиянии коммуникации на массовое сознание социума. Здесь *информация — ядро и «материя» коммуникации и средство связи информационно-коммуникативных отношений.* На этом поле и складывается наука социальная информациология, которой несколько лет занимается кафедра информационной политики РАГС. Информаци-

---

[1] См.: Основные теории коммуникации / Под ред. М.А.Василюка. М., 2003; *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2003; *Бориснев С.В.* Социология коммуникации. М., 2003; *Дьякова Е.Г.* Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург, 2002; *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация. М., 2004 и др.

[2] *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. С.12.

онная политика не входит в объект ни одной из традиционных наук. Но дело не только в этом, хотя это существенная проблема. Ее решение можно свести к выделению в социальной информациологии специального направления — политической информациологии, которая включает в себя теорию политической коммуникации, журналистику как политическую науку и другие, но не исчерпывается ими[1].

Все это можно было принять за «схоластическое изобретение», если бы не стояла в нашем государстве проблема информационного кризиса — кризиса доверия к информации, транслируемой СМИ и выдаваемой «на гора» политиками, доминирования манипулятивных информационных технологий и дефицита диалоговых технологий в массовой коммуникации.

Забегая вперед, заметим, что у нас произошло смешение понятий: «информация», «коммуникация» и «знание». За знание выдается простая информация, даже коммуникация. В итоге происходит девальвация общественного сознания, инфляция и знания, и информации. А главное — инфляция истины и совести. Ложь становится нормой, поскольку свобода слова становится товаром. Часто доверие больше к коммуникации, чем к знанию и правдивой информации. Кризис веры в слово приводит к кризису доверия к власти. И наоборот, если политика становится товаром и теряет авторитет, то и слово подвергается жесточайшей инфляции. В итоге возникают два кризиса: кризис доверия к власти и информационный кризис, в основе которого кризис доверия к СМИ.

Парадокс: свободы слова за последние 10 — 15 лет стало неимоверно много, а доверия к слову неимоверно стало мало (так, по данным ВЦИОМ, доверие к телевидению за 1991 — 2002 гг. понизилось почти в шесть раз — с 75% до 13%[2]. Как справедливо утверждает С.П.Капица, СМИ практически перестали выполнять образовательную, просвещенческую функцию, исчезла аналитическая журналистика, научно-популярные жанры, доминируют разные виды шоу и «насильственная реклама». Очевидно, поэтому представляют в целом смысл и цели проводимых реформ всего 10 — 20% населения (по жилищно-коммунальной реформе — 22,2%, по реформе государственной службы — 11,7, судебно-правовой — 14,1, налоговой — 13,1, реформе образования — 20,3%)[3].

А о Доктрине информационной безопасности Российской Федерации вообще забыли или стараются почему-то не вспоминать и го-

---

[1] См.: *Попов В.Д.* Журналистика как политическая наука // Социология власти. Вестник социологического центра РАГС. 2003. № 6.

[2] Новая газета. 2002. 14-16 окт.

[3] Социология власти. 2003. № 5. С. 84.

сударственные чиновники, и журналисты, и ученые. Хотя в мире идут информационно-психологические войны, более того, их «театр военных действий» расширяется, оружие становится все более изощренным, основанным на новейших информационных технологиях. Похоже, мы не сделали никакого для современной России вывода из доказанного вывода: СССР проиграл «холодную войну» по причине поражения в войне информационно-психологической. Наивно быть информационно открытыми и доверчивыми по отношению к самым «демократическим» государствам и политикам, где доминируют двойные стандарты. Мотивы власти, господства и обогащения — самые сильные и вечные. Их жертвами становились те, у кого можно отнять богатство и власть.

Мерилом силы сегодня является и информация. Давно известный афоризм «Кто владеет информацией, тот владеет миром» превратился для известных мира сего жизненным принципом, основой внутренней и внешней политики. Вопрос лишь в качестве информации и ее использовании в управлении.

Судьба наук Н.Винера

Мы акцентируем внимание на судьбе социальной информациологии, повторяющей судьбу кибернетики. Полагаю, что может кто-то и не согласится с этим. Хорошо, пусть развернется дискуссия.

В этой связи заметим следующее. И.Юзвишин упрекает Винера в том, что тот якобы не знал о кибернетике Платона и Ампера. Кибернетика Ампера имеет социально-политический уклон, а «кибернетика Винера — больше техническое электронно-вычислительное направление» (что, заметим, не совсем так, так оно было воспринято у нас при господстве технократического экономического мышления), и вообще «кибернетика Винера — по-Юзвишину — написана эскизно, беглыми мазками и в форме общности, абстрактности и популяризации». Вместе с тем он еще признает, что у «нее (кибернетики) противоречивая информациологическая направленность сыграла прогрессивно-революционизирующую роль в научно-техническом и социальном развитии всего мирового сообщества»[1]. Научно-техническая роль нашей страны получила развитие, но уже после запоздалого признания, от чего страна многое потеряла. Вторая же ее сторона — социальное развитие — до сих пор не оценена. Что же касается эскизов, мазков, абстрактности и популяризации, то хочется сказать, что все великие открытия давались действительно эскизно (например, формулирование Эйнштейном теории относитель-

[1] *Юзвишин И.И.* Указ. соч. С. 47.

ности или Ньютоном его законов). Но это концептуальные эскизы, сформулированные по принципу: «краткость — сестра таланта». Многие эскизы-концепты долгое время могут оставаться лишь теорией и лишь спустя многие годы (например, концепты Н.Е.Жуковского) будут востребованы практикой. И здесь большое значение имеет приложение к практике таких теоретических концептов.

То же относится и к социальной составляющей теории Н.Винера. В этом смысле более аргументированной для нас, если сравнивать с позицией И.Юзвишина, выглядит интерпретация идеи Винера в ряде публикаций наших политологов[1]. Ссылаясь на доклад Н.Винера, А.Розенблюса и Д.Биглоу, изданный в 1942 г.[2], они делают вывод: «Оригинальность этой публикации заключается… в том, что авторы заявили о создании новой науки, по крайней мере, о новом способе занятия наукой; предложили новые понятия, которыми затем будут оперировать «науки о коммуникации»[3].

На наш взгляд, все сказанное Н.Винером обращено и к социальной информациологии. Дополнительным подтверждением тому могут служить и другие концепты и идеи Винера, особенно введение в научный оборот понятия «общество коммуникации», и науки об отношениях и связи, которые могут быть объяснены с точки зрения циркуляции информации. Н.Винер обозначил перспективу теории «научения», обосновал «формы коммуникативного поведения», которые впоследствии разовьет Ю.Хабермас, например, при обосновании идей «коммуникативного разума», «коммуникативного сообщества»[4].

Винер формулирует закон, согласно которому в «высших формах коммуникативных организмов» проявляется «высшая среда», в которой концентрируется «опыт прошлого», способный «эффективно воздействовать на будущую внешнюю среду». В «коммуникативном организме его настоящее — не такое, как прошлое, а будущее — не такое, как настоящее», но между ними существуют «формы обратной связи»[5]. Данный концепт Н.Винера развивается, на наш взгляд, в «немарковскую парадигму»[6], которую мы применяем при анализе информационных процессов.

Не меньшее значение для социальной информациологии имеет положение Н.Винера о «коммуникации и социальной политике»[7],

---

[1] См.: *Комаровский В.С.* Государственная служба и СМИ. Воронеж, 2003.
[2] К сожалению, официальной ссылки на доклад В.Комаровский на дает.
[3] *Комаровский В.В.* Указ. соч. С. 98.
[4] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 305.
[5] *Винер Н.* Человек управляющий. СПб., 2001. С. 44 — 45.
[6] См.: *Азроянц Э.А., Харитонов А.С., Шелепин Л.А.* Немарковские процессы как новая парадигма // Вопросы философии. 1999. № 4.
[7] *Винер Н.* Указ. соч. С. 111 — 131.

где он предсказал, что информация будет иметь стоимость, создавать прибыль, ввел категорию «информационной стоимости». Он прозорливо предупредил: «Наибольшую безопасность будет иметь та страна, чье информационное и научное положение соответствует удовлетворению потребностей, которые могут возникнуть у нее, та страна, где *полностью осознано,* что *информация имеет важное значение* в качестве ступени в непрерывном процессе нашего наблюдения над внешним миром и активного воздействия на него… Образно говоря, понимать проходящее в мире — значит участвовать в беспрестанном развитии знания и его беспрепятственном обмене»[1].

Данные положения Н.Винера имеют отношение к современной ситуации в России, коммуникативной природе имиджа страны, статусу науки и ученых в стране, пониманию властями места и роли РАГС, региональных академий и институтов в «развитии знаний» для госслужащих, выполняющих функцию управления. Кстати заметим, книга Н.Винера называется «Человек управляющий».

Из наследия Н.Винера и предложенной его современной интерпретации сделаем для себя ряд выводов.

Во-первых, идея «общества коммуникации» трансформировалась в «информационное общество», что не одно и то же. На наш взгляд, «общество коммуникации» (Н.Винера), «коммуникативное сообщество», «коммуникационные жизненные миры», дискурс «коммуникативного разума» (Ю.Хабермаса) шире по содержанию, по сущностным характеристикам «информационного общества», если принять во внимание, что «информация» — ядро, составляющая «коммуникации». Без информации нет коммуникации. Знание — это обобщенная информация. Информацию и знание правомерно рассматривать в контексте феноменологии Гуссерля, трансцендентального значения языка по Хабермасу.

Мы понимаем информацию в широком и узком смысле. В широком смысле информация — результат отражения в различных формах фактов общественного бытия и общественного сознания. В узком (функциональном, социальном) смысле — это передача, циркуляция отраженного и взаимоотраженного многообразия жизни социума. В основе того и другого лежит «факт» как социально-философская категория. «Факт» включает в себя предметы, явления, события, известия, вести в СМИ, т.е. все факты и бытия и сознания. В «факте» потенциально заложена информация. Она может быть востребована социумом, а может и нет. Но потенциально, в онтологическом смысле, она существует. Здесь действует, на наш

[1] *Винер Н.* Указ. соч. С. 121.

взгляд, социально-информациологический закон: «факт» сначала отражается субъектом (ученым, журналистом и т.д.) — формируется субъективированное знание и информация. Затем это знание и информация проходят общественную экспертизу (признание, непризнание) в обществе. Признание общественным сознанием информации — это процесс ее субъективизации (признание субъективного объектом, объективным); в результате информация становится материей социальной информации и социальной коммуникации.

Понятие «коммуникация» происходит от латинского «communicatio» — сообщение, передача (чего? Информации!) и от «communicare» — делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать (с помощью и на основе чего? Слова, информации!).

Но в условиях «информационной эпохи» (М.Кастельс) уточняется, развивается содержание категории «коммуникация». Ряд авторов справедливо трактуют «коммуникацию» как способ взаимодействия людей, групп, народов, государств, с помощью которого «осуществляется передача и взаимопередача информации, чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей и который занимает ведущее место в сфере социальных процессов»[1]. Если с этим положением согласиться (мы соглашаемся), то оно не укладывается в традиционную теорию коммуникации. Поэтому должно дополниться признанием «коммуникативных отношений» (раз это «способ взаимодействия») как нового вида общественных отношений, теорией общественного сознания (в плане общего содержания «коммуникации») и социальной психологии (коль скоро речь идет о чувствах, смыслах, ценностях), отражающих данные общественные отношения. Эту «дополнительную задачу» берет на себя социальная информациология.

Объектом социальной информациологии является все многообразие коммуникативно-информационных связей, образующих новый вид общественных отношений, который отражается общественным сознанием и социальной психикой. Состояние этих коммуникативно-информационных отношений, как и всех других, отражается в состояниях общественного сознания: общественном мнении, общественном настроении, социальном самочувствии. Последнее есть результат коммуникативно-информационного воздействия на социум в данный исторический момент времени.

Все это подводит к мысли, что «общество коммуникации» шире, чем «информационное общество». В самом деле, основным концеп-

---

[1] *Бориснев С.В.* Социология коммуникации. М., 2003. С. 6.

том «информационного общества» является факт, что информация и знания в системе производительных сил и производственных отношений в приращении капитала выходят на первый план[1], становятся субстратом нового типа экономики — «информационизма»[2]. Встает вопрос: а где же здесь коммуникация? Какова ее роль?

На наш взгляд, синтез знаний, информации и коммуникации или знаний и коммуникации (поскольку «информация» входит в «коммуникацию») составляют онтологическое ядро «общества коммуникации» (по Винеру) и «коммуникативного сообщества» (по Хабермасу). При недооценке знаний, невостребованности научных знаний властями, системой управления и при дефиците на информацию в СМИ, при закрытости государственной службы может доминировать только коммуникация, и то в неполном виде.

Поэтому только единство знаний, информации и коммуникации формирует настоящее, полноценное «информационное общество» в принятой научной транскрипции. Поскольку оно уже приобрело статус научного дискурса, дальше мы будем придерживаться этого понятия, но включая в него сущностные черты «общества коммуникации». Оно представляется сложной структурой субъект-объектных и субъект-субъектных коммуникативно-информационных отношений в обществе, складывающихся в процессе деятельности по производству, обмену, распределению и потреблению информации. Особый срез этих отношений формируется в процессе социального общения. Здесь доминирует социально-психологическая информация (чувства, эмоции, настроения, мнения, установки и т.д.), которая почему-то не учитывается или, точнее, недооценивается при разработке теории коммуникации, при характеристике информационного общества. Эта сложная система общественных отношений и составляет расширенный объект социальной информациологии.

Во-вторых, в пользу актуализации коммуникативно-информационных отношений и их научного исследования и развития социальной информациологии говорит тот факт, что идея Н.Винера о развитии «науки о коммуникации» получила свое фундаментальное развитие. В теории коммуникативного действия Ю.Хабермаса, в его «дискурсах» «коммуникативного разума» и в теории социального действия, в коммуникативно-пропагандистских правилах «коллективного поведения» Г.Блюмера; в убедительных доказательствах Н.Лумана о коммуникативной природе власти и власти как средстве коммуникации; в «мета-

[1] См., например: *Мелюхин И.С.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999.

[2] См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 36 — 40.

морфозах власти» и ее информационной составляющей Э.Тоффлера; о коммуникации как факторе формирования толпы С.Московичи; о доминанте в России «духовной власти» и открытие феномена «социальной аномии» А.С.Панариным; введение в научный оборот новой онтропологической категории «информационный человек» В.С.Егоровым, — во всем этом многообразии нашли свое развитие идеи Н.Винера, сформировав парадигмальную основу[1] «науки о коммуникации», точнее, науки о «социальной информации и коммуникации» (в нашей терминологии — социальной информациологии).

Сюда же, к научно-парадигмальному аппарату социальной информациологии, правомерно отнести «философию информационной цивилизации» Р.Ф.Абдеева, работы Г.Хакена по синергетике, «информации и самоорганизации», концепции С.Г.Свитич о «феномене журнализма» как типе коммуникативно-информационной деятельности; Р.Харриса о психологии массовых коммуникаций; работы в области политической и массовой коммуникации наших политологов и социологов[2].

Кафедрой информационной политики РАГС с использованием научных идей и трудов этих авторов обоснована и разрабатывается концепция социальной информациологии, в состав объекта которой включена информационная политика, чего практически нет в работах по журналистике, теории политической и массовой коммуникации, медиалогии, коммуникативистике, медиапсихологии и других «коммуникативных науках». А без эффективной государственной информационной политики в России об информационном обществе можно будет только мечтать.

В-третьих, развивается теория «научения», «поведенческий метод в исследовании» Н.Винера, применительно к социальной информациологии. В частности, мы исследуем информационно-коммуникативные процессы в духе «коммуникативной теории психоанализа»

---

[1] См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие /Пер. с нем. СПб., 2000; *Блумер Г.* Коллективное поведение//Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И.Добренькова, М., 1996; *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Антоновского. М., 2001; *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти / Пер. с англ. М., 2001; *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1966; *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; *Егоров В.С.* Человек информационный. В кн.: Человек, наука, управление. М., 2000.

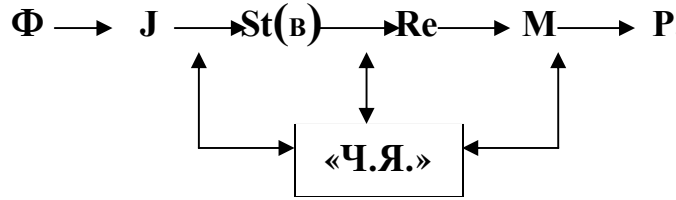
[2] См.: *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной эпохи. М., 1994; *Хакен Г.* Информация и самоорганизация. М., 1991; *Свитич Л.Г.* Феномен журнализма (под ред. Я.Н.Засурского). М., 2000; *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. СПб., 2002; *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2001.

Ю.Хабермаса[1], в контексте необихевиоризма и социального психоанализа[2], беря за основу формулу:

$$S \longrightarrow Re \longrightarrow P,$$

где **S** — стимул; **Re** — реакция на стимул; **P** — поведение.

Но мы ее трансформируем с позиции социальной информациологии, и она выглядит так:

где **Ф** — факт бытия и сознания или информационно-коммуникативный факт; **J** — информация как отражение и выражение факта; **St(в)** — стимул восприятия (невосприятия) информации; **Re** — реакция на воспринятую информацию; **«Ч. Я.»** — «черный ящик», в котором заложена структура психики человека как единство сознательного, предсознательного, где действует (по Фрейду) механизм «вытеснения» и «сопротивления», где проявляет себя «коллективное бессознательное» (по Юнгу), «социальное бессознательное» (по Фромму); **M** — мотив поведения; **P** — поведение.

В «черном ящике» человека записывается «тайна», которую, если расшифруешь, поймешь причины явления поведения. «Черный ящик» есть у каждого человека, у каждого народа. С его помощью можно расшифровать концепт Н.Лумана о «коммуникативной природе власти». На наш взгляд, в механизмах «вытеснения» и «сопротивления», открытых З.Фрейдом и получивших свое развитие в работах Э.Фромма, К.Г.Юнга и других психоаналитиков, обеспечивающих взаимодействие между сознанием и бессознательным, кроется коммуникативная «тайна» власти, «тайна» русской души.

«Сопротивление» и «вытеснение» имеют дело с кодами власти и с медийными кодами. Они определяют судьбы нации, этносов и их

---

[1] *Habermas J.* Der Universalitatsanspruch der Hermeneutik // Habermas J. Zur logik der Socialwissenschaften. Ffm., 1982.

[2] См.: *Попов В.Д.* Тайны информационной политики: социальный психоанализ информационных процессов. М., 2003; *Он же.* Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы. М., 1997; Идеология и практика информационной политики в современном российском обществе / Под общ. ред. С.Г.Маслюка. М., 2003.

властей. Массмедиа являются информационным поводом, возбудителем, провокатором, посредником или врачом психотерапевтом, духовным авторитетом, просветителем, учителем.

Взаимодействие сознательного, предсознательного, бессознательного с помощью механизмов «вытеснения» и «сопротивления» есть фундаментальное ядро социально-информациологического подхода, раскрывающее следующие проблемы: 1) восприятия информации; 2) переработки информации человеческим мозгом и образования мысли, знания; 3) мотивации социального поведения, социального творчества, исходящей от информации и знаний. На каждом из этапов действуют коды психики человека, которые не всегда подчиняются медийным кодам, но часто находятся во власти последних. Ошибка этих кодов может приводить либо к озарениям, либо к затмениям общественного сознания.

Обеспечивая движение информации от сознательного в подсознательное (предсознательное) и далее в бессознательное и в обратном направлении, механизмы «вытеснения» и «сопротивления» связывают цели человека, социума с причинами в процессе самоуправления собою и управления внешнего.

Заметим, что отечественная информационная политика строится преимущественно на раскрытии факта, проблемы, во-первых, на уровне сознания, во-вторых, даже не на цели, а на следствии, не вскрывая причин явления (например, теракт на Дубровке и в Беслане).

И еще есть закон, относящийся к социальной информациологии. Назовем его законом гармонического состояния между сознательной деятельностью людей и их бессознательным, где позитивную роль должны играть СМИ. Какое СМИ, какой госорган изучает эти отклики и согласует с ним деятельность людей? Вот почему нужна грамотная государственная политика. Иначе, как предупреждает наука, «могут быть периоды стагнации, когда общество дряхлеет (вспомним период застоя. — *В.П.*), а бессознательное замирает. Это всегда предвестник бури… Может возникнуть и состояние конфликта, …тогда бессознательное начинает искать нового героя, нового лидера»[1].

Эти социально-информациологические законы выводят нас на необходимость формирования новой (или существенно обновленной) парадигмы журналистики, деятельности СМИ и МК, но главное — информационной политики. Они раскрывают «тайну» формулы известного аргентинского писателя Х.Кортосара: «Глубинный смысл не в словах, а за словами». Дело в том, что «само творчество происходит на бессознательном уровне — на уровне сознания все воплощается в знаковую систему, позволяющую вести коммуникацию как с самим собой, так и

[1] *Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.* Реальность нереального. С. 221.

с другим»[1]. В музыке нет слов, «музыка — искусство бессознательного» (Г.Свиридов). Но музыка — мощное средство коммуникации.

Есть каналы сенсорного (ощущаемого, видимого) и субсенсорного (латентного) информационного воздействия на человеческий мозг. В классической парадигме теории коммуникации, журналистики все это практически не учитывается, в результате мы отстаем от Запада в разработке и применении новых социальных информационных технологий. А значит, можем оказаться беспомощными в обеспечении информационной безопасности граждан, общества и государства.

Обращение к «черному ящику» выводит нас на познание законов социально-информациологического характера. Так, если проанализировать теорию «коллективного бессознательного» Юнга, то можно заметить, что информационно-коммуникативный аспект присутствует даже в таком социально-онтологическом феномене, как архетип, поскольку это «постоянно наследуемое, всегда одинаковые формы и идеи»[2], т.е. информация. Архетипы — субстрат исторической памяти. Память социума — архетипический носитель социальной информации.

Перспективным направлением социальной информациологии является исследование механизмов социальной памяти и объяснение на их основе, например, того исторического факта (по результатам исследований Социологическим центром РАГС исторической памяти), что положительная роль Сталина в развитии России оценивается в несколько раз выше, чем Горбачева и Ельцина. Одно из объяснений состоит в том, что «архетипы скрыты от сознания, но способны выражать себя в форме сказок, легенд, мифов»[3]. То есть в исторической памяти, в коллективном бессознательном действуют коды менталитета национального характера, глубинной психологии. И если, скажем, политика СМИ им не идентична, они в итоге побеждают.

Закон ментальной идентичности мы также относим к социально-информациологическому, поскольку его проявление имеет коммуникативную природу. Подтверждением служит теория Юнга, теория пассионарности и этногенеза Л.Гумилева, исследования, касающиеся судьбы России.

С позиции социального психоанализа мы выводим еще одну закономерность. Центральным механизмом в восприятии информации и знания и мотивации поведения является переживание. Не пережитая информация — чужая информация, которая не дает знания, не формирует диспозицию у людей. И только переживание оставляет

---

[1] *Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.* Реальность нереального. С. 169.

[2] *Юнг К.Г.* О психологии восточных религий и философии. М., 1994. С. 78.

[3] *Нещадин А., Горин Н.* Судьба России в современной цивилизации. М., 2003. *С. 11.*

глубокий след в памяти человека. Срабатывает закономерность: *факт — информация — переживание — социально-психологический след в памяти — диспозиция.* В следе и диспозиции заключено отношение к факту. Факты революций и смут, события 1993 года, дефолт — это уже история, но они остаются в исторической памяти. В частности, мы видим, как сохраняется недоверие наших граждан к банковской системе после пережитого дефолта и обмана со стороны финансовых пирамид, вмиг обанкротивших миллионы людей.

Но есть другие, не менее глубинные законы. С.Московичи в работе «Век толп» обосновал в сущности закон «информационной толпы». Ж.Бодрийяр в книге «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» сформулировал коммуникативный закон «массы», несущей в себе «электричество социального и политического». Он доказывает, что масса предстает колеблющейся между апатией, пассивностью и необузданной спонтанностью (в нашем понимании это действие закона Судьбы. — *В.П.*). Но у «массы» всегда остается потенциальная энергия, запас социальной активности: сегодня масса — безмолвный объект; завтра, когда возьмут слово и перестанут быть «молчаливым большинством», — главное действующее лицо истории»[1]. И пучиной, «в которой исчезает смысл», является информация. «Каким бы ни было ее содержание: политическим, педагогическим, культурным, именно она обязана передавать смысл удерживать массы в поле смысла»[2]. Но, на наш взгляд, удерживать способна информация-сопереживание, информация-переживание факта: радости, счастья, озарения, беды, горя, трагедии. Закон связи информации с полем смысла массы — фундаментальный закон информационной политики.

Проблема социальной аномии и информационной идентичности

В контексте «поведенческого метода в исследовании» Н.Винера и социальной информациологии, в плане повышения эффективности информационной политики важным для российского общества является выявление А.Панариным феномена «социальной аномии».

Аномия — состояние общества, в котором те или иные сферы, области жизни социума, типы «социальных отношений и поведения людей выпадают из сферы нормального регулирования» со стороны общества, когда отсутствуют для этого нормы, когда «значительная часть граждан не считает обязательным следовать существующим нормам»

[1] *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. С. 1.
[2] Там же. С. 3.

(правовым, нравственным, этическим и т.д.). Аномия фиксирует »разрыв между целями и ожиданиями, одобряемыми в обществе, с одной стороны, и реальными средствами их реализации — с другой»[1].

В этом смысле над нашим народом навис какой-то «зловещий рок»: ему столетиями обещают благополучие, коммунизм, рынок как манну небесную, быстрый рост ВВП (хотя при этом темпы роста цен опережают темпы экономического роста), льготы быстренько заменяют «адекватными» выплатами и т.д. И он верит. Наш народ — народ веры. Он не может быть без веры. Он верил всегда (в Бога, царя, вождя, генсека, «неординарного Президента») и продолжает верить сегодня. От веры у народа доверие и к власти, и к СМИ, а главное — доверие к Слову.

На последнее особое внимание обратил А.С.Панарин. Он вывел формулу социальной аномии, выходящую на проблему актуальности развития социальной информациологии. Выглядит она следующим образом:

$$\text{А (аномия)} = \frac{\text{Дескриптивная информация}}{\text{Прескриптивная информация}}$$

А — «социальная аномия — ценностная дезориентация и потеря идентичности».

Дескриптивная — описательная информация.

Прескриптивная — предписательная информация.

Для нас большое значение имеет вывод ученого, что «образованность может выступать как накопление описательной (дескриптивной) информации, которая обеспечивает известный уровень рафинированности, но не решает проблемы социальной действенности». «Одной образованности (информированности), — подмечает А.Панарин, — недостаточно для целенаправленного социального творчества и поддержания жизни. Требуется соответствующий уровень мотивации, чтобы новую информацию перевести в дело, мобилизовать для решения насущных задач». Данный концепт позволяет сделать ряд дополнительных выводов: 1) не следует смешивать информацию и информированность с образованием и образованностью; 2) в содержание «информационного общества» к информации и знанию необходимо внести дополнительно уровень мотивации социального творчества, исходящий от усвоенной информации и знаний. Это существенное, концептуальное дополнение ученого. Действительно, в обществе может циркулировать информации даже в избытке, но, как говорят в народе, толку от нее мало. Или в стране накоплено множество современных знаний, но они почему-то не дохо-

[1] Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 112.

дят до массового сознания, а если доходят, то не служат фактором мотивации к социальному творчеству. Одна из причин: «на дворе информационный детерминизм», а у людей «двора» — информационный кризис. Отсюда и социальная аномия.

Подтверждением могут служить многочисленные факты, когда количество информации не переходит в желаемое качество. Так, положительный образ милиционера, следователя, прокурора не сходит с экранов телевидения уже несколько лет (бесчисленные «Менты» и «Улицы разбитых фонарей», сериалы «Каменская», «Марш Турецкого» плюс каждый день трансляция по всем каналам подобного зарубежного продукта). А в рейтинге доверия среди государственных, гражданских институтов, общественных организаций милиция, Министерство внутренних дел по критерию доверия в тройке последних (23,1% доверяют), а по недоверию на втором месте — 59% после политических партий.

Или другой пример: депутатов Госдумы мы видим на телеэкранах ежедневно, а доверие население к ним ниже критического — 21,6%, не доверяет — 56,0%[1]. Показатели почти одинаковые с милицией. Они создают законы, другие следят за их реализацией. И много говорят о достижениях. А результат — социальная аномия. Иначе трудно оценить динамику недоверия к милиции за семь лет. Если в 1996 г. ей не доверяли 59%, в 2000 г. — 55,2, то в 2003 г. — 65,8% (по данным социологического мониторинга ИКСИ РАН)[2]. Рост недоверия практически совпадает с ростом количества сериалов, прославляющих милицию. Думается, что серия терактов 2004 г. усилит недоверие ко всем правоохранительным органам.

А.Панарин указывает нам на реальный опыт: «Современное состояние и самой западной цивилизации, и многих вестернизирующихся обществ современного мира можно описать посредством понятия «информационного перепроизводства»[3]. Дело не в том, что информации производится слишком много, а в том, что общество не успевает эффективно ее использовать, скажем, с помощью эффективной информационной политики, системы СМИ и МК и образования.

Для перевода информации из дескриптивного состояния в прескриптивное, предписательное, требуется, по мнению А.Панарина, определенная социальная энергия, которая обеспечивается высоким уровнем мотивации людей. Однако подобная «мотивация зависит от таких факторов, которыми традиционные социальные науки не занимались». Одной из наук, заполняющей этот вакуум, и является со-

---

[1] См.: Социология власти. 2003. № 5.
[2] Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004. С. 111.
[3] *Панарин А.С.* Указ. соч. С. 20.

циальная информациология. Среди других факторов он выделяет «факторы социокультурного и духовного плана, решающим из которых является «устойчивая идентичность общества и человека».

В контексте социальной информациологии нами разработана проблема информационной идентичности. Мы пришли к выводу, что Россия находится в поисках экономической, социальной, культурной, идеологической идентичности. Для решения этой задачи требуется достижение информационной идентичности[1].

На наш взгляд, А.Панарин сформулировал социально-информациологический закон: «Чем выше избыток идущей извне общей информации, не находящей эффективного ролевого использования в стране-реципиенте, тем выше хаотичность социального поведения с неспособностью выстроить систему приоритетов и иерархию ценностей»[2]. Добавим: тем актуальнее тема «хаоса и порядка» (по Пригожину). Но это общецивилизационный закон, относящийся к социальной аномии.

Применительно к России его можно сформулировать так: чем выше избыток идущей от СМИ и МК критической, негативной, криминальной информации, не находящей официальной оценки со стороны власти, тем выше хаотичность социального поведения и мотивация преступной деятельности, тем выше дефицит мотивации социального творчества.

Формулу аномии С.Панарина можно трансформировать так:

$$СА = \frac{К}{Р},$$

где СА — социально-информациологическая аномия — ценностная дезориентация в СМИ и потеря информационной идентичности;

К — критическая, негативная, разоблачительная информация в массмедиа;

Р — информация официальных органов на критическую информацию в СМИ.

Подтверждением того, что формула отражает реальное состояние в информационной сфере, служат такие факты. Широко известная передача «Момент истины» А.Караулова каждый раз насыщена, казалось бы, убедительными разоблачениями министров, губернаторов,

---

[1] См.: Массовые информационные процессы в современной России: Очерки / Отв. ред. А.В.Шевченко. М., 2002; *Попов В.Д.* Единство информационной и экономической идентичности // Стратегия динамического развития России: единство самоорганизации и управления: Материалы Первой международной научно-практической конференции. Т. 1 /Под общ. ред. В.Л.Романова. М., 2004.

[2] *Панарин А.С.* Указ. соч. С. 21.

олигархов и др., особенно памятны доказательные уличения в преступности бывших министров Аксененко и Адамова. Что имеем в итоге? Неизвестность. То же самое относится ко всем передачам А.Караулова, да и не только его. В результате кризис «логоса», т.е. логики в подаче такой информации. Это и есть социально-информациологическая аномия. От нее рост недоверия и к СМИ, и к власти. Там, где свобода слова и политика превращаются в товар, там момент истины исчезает. Наступает инфляция слова, разрастается медийный кризис, общество получает социальную аномию, ценностную дезориентацию населения и паралич идентичности. Население перестает считать власть и СМИ институтами, способными отстаивать его интересы. Согласно социологическим опросам, только 18,5% считают эффективными обращение в органы власти, средства массовой информации[1].

Но есть надежда, что ситуация изменится к лучшему. Премьер-министр М.Фрадков заявил по телевидению о прозрачности и открытости министерств, агентств и служб перед населением, что чуть ли не общественное мнение будет доминирующим в оценке их деятельности. Глубокий и нужный замысел. Только бы осуществился. Поживем — увидим. Будем надеяться на лучшее.

Убежден, что если у российских чиновников не будет востребована социальная информациология и другие рядоположенные науки, о реализации административной реформы, реформы государственной службы можно забыть. А это уже судьба России.

До тех пор, пока государственная служба не будет прозрачной, информационно открытой, пока она не будет действовать в русле социальных законов и законов социально-информациологических, нам не поменять негативный имидж российского чиновника на положительный.

Слово — от него информация и знание. В слове выражается смысл жизни нашей, наша Судьба. Наше движение по Судьбе.

Вдумаемся, как это выражено в чудесном, глубинном стихотворении поэтессы Юлианы Михайловой «Мои слова».

Срываясь с губ, летят на свет
Мои израненные птицы —
Слова. Внизу им жизни нет,
Они не в силах приземлиться.
И распрямляясь на лету,
Вторгаясь в общее звучание,
Они пронзают темноту,
Меняя мира очертанья.

[1] См.: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. С. 88.